

МОХИСТАРА

В давние времена в городе Багдаде правил халиф по имени Адыл. Имел он три жены, а детей у него долго не было. Наконец у младшей жены Дилоры родился сын. Назвали его Шавкат. Нарядили царевича в атлас и парчу, несколько няnek к нему приставили. Красив был мальчик, как утренная звезда на небе. Халиф до того обрадовался, что у него, наконец, сын родился, что для всей страна устроил пиршество, приказал плова для народа наварить, беднякам подарки раздать.

Проходили месяц за месяцем, год за годом. Исполнилось царевичу семь лет, восьмой год пошел. Созвал халиф мудрецов, съездили все Багдада обучать Шавката наукам. Способным учеником оказался Шавкат. Не успеют ему учителя урок задать — смотрят, он уже все выучил.

В пятнадцать лет он ученостью своей всех мудрецов, какие только были при дворе его отца, превзошел. Не было такой науки, в которой бы он не достиг совершенства. Вместе с тем он музыку знал и песни пел, к оружию отлично владел.

Исполнилось Шавкату семнадцать лет, восемнадцатый год пошел. Шавкат так хорошо военную науку изучил, что халиф его военачальником назначил, три тысячи воинов ему дал.

Поехал однажды Шавкат со своими воинами на охоту.

Только въехал Шавкат со своими воинами в горное ущелье, а им навстречу выскочила изумительная лань. Копыта у нее на всех четырех ногах были перламутровые, на каждой ноге — от двух до восьми золотых колец, на золотых рогах — жемчуг и бриллианты, а шерсть у той лани то белым, то черным, то зеленым, то красным, то желтым, то розовым — всеми тридцатью двумя цветами переливалась.

Пробегая мимо царевича, лань посмотрела на него, повернулась, подпрыгнула и помчалась в сторону. Шерсть на ней тридцатью двумя цветами играет, золотые кольца на ногах на разные голоса звенят.

Царевич просто обмер от изумления.

— Больше жизни хотел бы я такую лань иметь! — воскликнул он и приказал своим воинам:

— Поймите мне эту лань живою!

Погнались воины за ланью, но сколько ни старались, поймать не смогли.

Огорчился царевич и сам за ланью поскакал. Скакал, скакал — никак поймать не смог. Приказал Шавкат тогда окружить лань со всех сторон — и так изловить.

— Смотрите мне, если кто лань упустит, казнить того прикажу!

Стали воины окружать лань, потихоньку-понемногу круг все уже становится. А лань их будто совсем не боится — поглядывает себе по сторонам, резвится,

скачет. Наконец круг такой узкий стал, что в один ряд воины не помещались, встали в два ряда.

Но чуть только начали они к лани подходить, она как прыгнет на царевича. Ударил его коня копытом в бок и ускакала. Стыдно царевичу стало, а винить некого: сам лань упустил.

Погнал он своего коня во весь дух и помчался за ланью.

Конь у него был быстрый и сильный. Обогнал царевич лань, но как ни старался, что ни делал — поймать ее не мог...

«Не живую, так мертвую, а все равно добуду», — решил он. Слез с коня, взял лук, забрался на скалу и пустил в лань стрелу. Стрела, однако, мимо пролетела. Он другую стрелу пустил — лань только чуть-чуть губы скривала, отвернулась — опять царевич промахнулся. Еще раз пустил стрелу — чуть-чуть не задел, и все-таки мимо.

Рассердился Шавкат, стал пускать стрелу за стрелой, а лань на него внимания не обращает, прыгает, в глазах у него мелькает. Пятьсот стрел было у царевича — все выпустил, ни одна стрела лань даже не задела.

Помчалась лань в горы. Царевич за ней погнался. Прыгает лань с камня на камень, царевич на коне тоже от нее не отстает. Вспрыгнет лань на скалу, повернется перед царевичем, посмотрит на него и дальше скачет.

Забралась лань на самую верхушку высокой скалы. Хоть и трудно было коню, но тоже на скалу взобрался. А Шавкат только и думает, как бы лань если уж не живой, так хоть мертвой взять.

Посмотрел Шавкат. а на верхушке скалы — узенькое-узенькое ровное место. С одной стороны трава зеленеет, с другой деревья поднялись. Прыгает лань на этой площадке, резвится, глаза царевичу обжигает.

Крепко прижался царевич Шавкат к шее коня, мчится за ланью, отдохнуть ей не дает. Лань в лес кинулась, Шавкат за ней прискакал. А в лесу это такие красивые деревья росли, каких царевич никогда и не видал. Цветов полно, всевозможные птицы поют, соловьи заливаются. Ездил, ездил царевич по лесу, а лань куда-то исчезла.

Настала ночь. У Шавката и мысли нет, чтоб с пустыми руками возвращаться.

«Переночую здесь, — решил он, — а завтра опять в погоню за ланью».

Выбрал он в лесу открытое место, вытер у коня пот, снял седло, поводья за шею завязал, пустил коня пастись и говорит:

— Ну, конь мой, трава здесь хорошая, пасись, наполняй свое брюхо!

А себе разостлал на траве потник и попону, под голову седло положил и улегся спать. Только царевич глаза сомкнул, как до ушей его донеслись громкие голоса. Проснулся он. Прислушался, пригляделся и понял, что в лесу полно зверей. Тут уж сон у Шавката совсем пропал, стал думать он, как бы от беды уберечься, и забрался на высокое дерево. Только залез на ветку, как стали под деревом всякие звери собираться — слоны, тигры, львы, барсы, медведи, волки, змеи.

Так Шавкат до самого утра на дереве сидел, всю ночь не спал. На рассвете звери разошлись. Шавкат с дерева слез и пошел коня искать... «Хорошо,— думает,— если его звери не съели». Видит: конь пасется на лужайке. Обрадовался Шавкат, взнуздal коня, заседлал, сел на него и по следам лани поскакал.

До полудня ездил Шавкат по лесу, нигде лани не нашел. Доехал он, наконец, до опушки, где лес кончается и начинаются заросли камыша. Подумал: может быть, лань в камышах спряталась. Ездил, ездил — нигде и следов лани не видно.

Вечер подходит, пора назад возвращаться. Но Шавкат так далеко заехал, что и не знает уж, где он и в какую сторону возвращаться.

Пришлось ему опять на дереве в лесу ночевать.

На рассвете царевич опять слез с дерева, коня оседлал и поехал дорогу искать, как ему из леса выбраться. Проездив он часа четыре и выехал на открытое место. На краю его видны холмы, а на одном холме небольшая усадьба виднеется.

Шавкат подумал: «Там люди живут, у них можно будет дорогу узнать»,—и погнал коня к усадьбе. Подъехал, на холм взобрался и видит: за холмом долина, большой ручей течет, а по обоим берегам его — сад. Поехал Шавкат по берегу ручья и подъехал к усадьбе.

Въехал Шавкат в ворота, видит: за стенами усадьбы большой двор, с одной стороны тянется стена, а с трех сторон рядами идут комнаты, одни из них зеленым фарфором отделаны, другие красным, третьи желтым, некоторые голубыми, розовыми и разноцветными плитками украшены. Посреди двора расположен большой мраморный хауз, вода в нем, как молоко, чистая. В четырех углах водоема четыре дерева растут.

А дальше конюшню он увидел, стояла мраморные: в одном трава лежит, в другом — кишмиш, в третьем — зерно. Все кругом чисто подметено, но людей во дворе не видно.

Шавкат подумал: «Пока что я здесь остановлюсь. Если кто-нибудь выйдет — дорогу у него узнаю, если никого здесь нет — отдохну и поеду».

Привязал царевич коня в конюшне и говорит:

- Ешь, конь мой. Здесь и трава и зерно, наполняй свое брюхо!

А сам Шавкат так устал, что едва до хауза добрал, лег под деревом и уснул. I Долго ли он спал, мало ли, но вдруг его какой-то звук разбудил. Проснулся, смотрит: дверь одной комнаты раскрылась и вышла оттуда красивая, стройная девушка лет восемнадцати с золотым кувшином в руке. Подошла она тихонько к водоему, воды набрала и опять в дом ушла. На Шавката она даже не взглянула.

— Что это такое?— удивился Шавкат.— Вышла девушка, ничего не сказала, не взглянула даже на меня и назад ушла.

А девушка была так красива, стройна, что у Шавката сильно сердце забилося.

Смотрит он на ту дверь, за которой девушка скрылась, глаз не спускает. Прошло немного времени, опять эта дверь открывается. На этот раз вышел из дома красивый, статный старик лет пятидесяти пяти; борода с проседью, щеки здоровьем пышат.

Подошел старик к Шавкату, сложил руки на груди и говорит:

— А, гость! Добро пожаловать!

Шавкат вежливо с ним поздоровался и говорит:

- Я заблудился, устал, а здесь вижу тень, отдохнуть захотелось. Извините меня, что без спросу в ваш сад зашел.

— Вставайте, пойдемте со мной!— говорит старик.

У Шавката сомнения возникли.

— Куда вы меня зовете?.— спрашивает.

— А вот идите за мной! — говорит старик.— О коне не беспокойтесь, за ним присмотрят.

Повел старик Шавката через ту самую дверь, кз которой девушка выходила. Вошел Шавкат, видит — там еще один сад, только красивее первого. С четырех сторон его были такие красивые постройки, каких Шавкат и во дворце своего отца, багдадского халифа, не видел. В саду всюду цветы, плоды всякие на ветках зреют. Захотелось Шавкату плодов этих отведать, сорвал он один, да укусить его нельзя. Он твердый, точно камень. Оказывается, это совсем не плоды на деревьях висят, а действительно камни, только драгоценные. Старик провел Шавката к мраморной супе с золотыми перилами. На супе были разостланы ярко-красные шелковые ковры, а на них атласные парчовые одеяла. Старик Шавката на супу пригласил.

Около супы женщина стояла, руки на груди сложила, поклонилась.

Уселись старик и гость на супе, женщина подошла и приветствовала Шавката. Лет ей двадцать пять — двадцать восемь можно было дать, щеки точно яблоки; тело белое, словно жемчуг; брови, как лук, изогнуты; на людей глянет — взор ее словно стрелой ранит; шея, подобно лебединой, изогнулась; глаза, как звезды, светлые; губы нежные, подобные стебелькам лука, и красные, словно мак; у верхней губы черная родинка, под нежным подбородком вторая, еще нежнее; косы — иссиня-черные, словно змеи, по спине спускаются, концы их до колен доходят.

Села эта женщина рядом со стариком, а скоро и та девушка, что воду из хауза набирала, вышла, поклонилась она Шавкату несколько раз и говорит:

— Добро пожаловать, дорогой гость!

Женщина говорит ей:

— Принеси гостю дастархан!

Девушка поклонилась и в дом ушла.

Немного спустя подошла другая девушка, похожая на Первую, только красивее и стройнее. Глянула она на Шавката, стан свой склонила и говорит:

— Привет дорогому гостю!

Шавкат встал, руки на груди сложил, поклонился девушке.

Она вернулась в дом, вынесла парчовый дастархан с золотой бахромой и разостлала его на супе. Затем еще одна девушка пришла, поздоровалась и в дом ушла. Тут одна за другой девушки начали подходить, яства всякие на дорогих блюдах на дастархане расставляя. Были там и белые, как снег, сдобные лепешки, и пирожки слоеные, и мед, и сахар, и леденцы, и сиропы, и фисташки, и миндаль, и всякие сласти.

Та красивая женщина, что рядом со стариком сидела, разломила лепешки и предложила гостю угощаться. В это время первая девушка золотой самовар принесла, в пиалы чай начала разливать, Шавкату первому подала, потом уж хозяевам, а сама тоже села за дастархан. Не торопясь все чаю напились, поели, о том о сем побеседовали.

Старик тогда сказал девушкам:

— Гость наш очень устал. Приготовьте ему постель. Пусть он поспит, отдохнет!

Девушки вынесли в сад золотую кровать, поставили ее под деревом около хауза, одеяла на нее положили, пуховые подушки принесли, шелковые покрывала сверху накинули, постель приготовили.

Лег Шавкат спать. А пока он спал, две девушки рядом стояли, все время веером махали, отгоняли мух.

Проснулся царевич — девушки ему в золотом кувшине воды принесли. Умыл Шавкат руки и лицо, белым шелковым полотенцем вытерся. Девушки в дом ушли, а к Шавкату старик с женщиной вышли и спрашивают:

— Ну как, гость, хорошо поспал?

Тут одна девушка пришла и говорит, что ужин готов. Дастархан разостлали, ужин принесли. На блюдах всякой еды полно, а одна девушка в золотом кувшине вино принесла, в золотые пиалы его разлила и говорит:

— Выпьем в честь нашего дорогого гостя!

А когда вино выпили и поужинали, вышел из дома целый хоровод молодых девушек. Все они были одна красивее другой — брови черные, глаза карие, шеи белые, платья на всех были шелковые. В руках у каждой девушки был музыкальный инструмент. Сазы, тамбуры, скрипки, дутары, наи, цимбалы, бубны заиграли, песни полились, танцовщицы танцевать пошли. Так до рассвета не прекращалось веселье.

А потом усталого гостя спать повели.

Утром к Шавкату девушки подошли: одна умыться подает, воду из золотого кувшина ему на руки поливает, другая белоснежное полотенце подносит.

Потом сели завтракать. А после завтрака девушки пригласили Шавката гулять по саду.

Гулял там царевич до полудня, потом его обедать позвали, опять вином угощали. А вечером снова девушки стали на сазах играть, песни петь, плясать, веселиться.

Так Шавката целый день и ночь развлекали, угощали, а потом уложили спать. На следующее утро старик после завтрака всех девушек отослал, а в саду только он сам, красавица да Шавкат втроем остались.

И такую речь старик повел:

— Извини нас, гость. Уже два ДНЯ, как ты у нас живешь. В первый день спрашивать тебя, кто ты и откуда приехал, неудобно было. Да и" устал ты тогда сильно. А теперь расскажи нам, кто ты, зачем к нам пожаловал.

Шавкат им отвечает:

— Я сын халифа из города Багдада,- который за этими горами находится. Отец мой — халиф Адыл. Недавно я со своими воинами на охоту поехал. Попалась мне в горном ущелье навстречу лань: копыта у нее перламутровые, рога золотые, жемчугом и бриллиантами украшенные.-".-На -ногах у нее кольца золотые, а шерсть ее тридцатью двумя цветами переливается. Так она красиво прыгала, что захотелось мне ее живой поймать. Дал я воинам приказ изловить ее, но они не сумели. Решил я ту лань застрелить. Пятьсот стрел в нее из лука пустил, ни одна стрела моя в нее не попала. Лань в горы убежала, я за ней погнался. А потом лань в лесу где-то пропала...

Не успел он кончить свой рассказ, вдруг распахнулась одна дверь— . яркий свет весь сад озарил. Выбежала из дома шестнадцатилетняя девушка. Глаза у нее — словно две черные виноградинки; брови — как нарисованные; косы черные до пят; стан тонкий, груди под платьем — точно яблочки; губы пунцовые; шея змеиная; под губой черная родинка; щеки, словно гранат, красные; зубы жемчужные — словом, райская гурия. Пробежала эта девушка мимо Шавката, оглянулась на него через плечо, улыбнулась, дверью хлопнула и исчезла. Старик ей только рукой махнул, словно хотел сказать: «Ах ты, резвушка!»

Как увидел девушку Шавкат, все мысли у него смешались. И про что рассказывал, забыл. Из головы разум убежал, слова во рту замерли. Умолк царевич.

— Продолжай свой рассказ, царевич!— заговорил старик.

Собрался с мыслями Шавкат и начал дальше рассказывать.

— Гонялся я по лесу за ланью до самой ночи, нигде ее не нашел. Назавтра еще день гонялся — и все без пользы. Понял я, что лани мне не поймать, и решил воротиться. Только назад я дорогу найти не смог, так я к вам заехал.

В это время дверь второй раз распахнулась — и опять показалась та резвая девушка. Засмеялась она, ножкой топнула и за дверью скрылась. У Шавката снова в глазах помутилось, с трудом пришел он в себя и сказал:

— Ну, вот я вам про себя рассказал. Теперь ваша очередь рассказывать.

Старик ему отвечает:

— На это еще время будет. А теперь давайте повеселимся.

Позвал старик девушек, и опять повели они царевича в сад.

Прошло еще так три-четыре дня. Сначала Шавкату очень понравилось в саду

гудятъг веселиться, а потом заскучал он, брови насупил, загрустил. Заметили это девушки и, чтоб развеселить его, начали больше петь и плясать. А царевич все грустил, даже не улыбался, все про ту веселую, резвую девушку думал. Подошел как-то Шавкат к старику и просит:

— Расскажите мне, кто вы, почему вы в этих пустынных горах живете.

Старик на другое разговор поворачивает, но царевич не унимается, просит.

Наконец стал старик рассказывать:

— Родился я в городе Герате. Отец мой богатый купец был, тысячи верблюдов имел. Из Герата в другие города товары отправлял и в Герат много товаров привозил. Отец мой состарился. Зовет меня однажды отец и говорит: «Ну, сын мой Садык! Ты уже подрост, ума набрался. С любым делом, какое я тебе поручу, справишься. А я постарел, мне с караванами ездить трудно. Поэтому я тебе свою торговлю передаю, будешь в разные страны ездить, дела мои торговые вести!»

Поклонился я отцу с почтением и отвечаю:

— Ладно, отец! Если вы прикажете, с радостью в путь-дорогу отправлюсь, куда ни скажете — поеду.

Отправлялись из нашего города караваны в Индию. Нагрузил мой степь тысячу верблюдов товарами, дал мне несколько погонщиков, и отправился я в путь.

Колокольчики на шеях у верблюдов звенят. А я то на коне, то на верблюде ехал. Ехать надоедало — пешком шел. Так из города в город мы ехали, селение за селением проезжали, потом по степям безводным, по пустыне поехали.

Много мы там беды натерпелись. Воды там нет, травы нет, один песок, жара.

Много дней мы так ехали, пока до Индии добрались. Наконец в один город прибыли — каждый наш караван целый караван-сарай заполнил.

Первый день мы отдыхали. Я в караван-сарай расположился. Назавтра начали мы товары свои городским купцам предлагать. День торговали, потом ночь наступила, спать легли. Наутро я встал на рассвете, умылся, в мечеть пошел.

Смотрю — люди спешат скорей из мечети. Ну и я с ними. А на улице собралась огромная толпа. Тут и дети, и подростки, и пожилые, и старики, и старухи, и женщины, и девушки. И все куда-то спешат, торопятся. Подумал я: «Куда это все люди идут?» — и тоже за ними пошел. А толпа уже подошла к каким-то огромным воротам, по бокам которых стояли свирепые стражи. Вошел и я, вижу: широкая площадь, с трех сторон деревья, а с одной стороны длинная, высокая стена. На площади целый ряд всадников выстроился. Кони высокие, сытые, гривы и хвосты у них длинные, груди широкие, шеи гибкие. А всадники — все одинаково одетые молодые джигиты, один другого красивее. Перед всадниками стоял на площади у столбов восемнадцатилетний юноша, статный, черноглазый, чернобровый, лицо румяное, вот-вот капнет со щеки кровь на землю. Одет он был в ярко-красный шелковый камзол, подпоясанный золотым платком, такие же шаровары. На голове у него была золотая корона.

Народ тем временем площадь заполнил. Никогда раньше я такого скопища

людей не видел. Смотрели люди на всадников, на юношу в красной одежде и громко жалели:

— Горе! Такой хороший джигит!

Лица у всех были такие печальные, словно хотели эти люди сказать: «И такой джигит ни за что пропадает!»

Некоторые старики и старухи даже плакали. Вдруг выехал вперед один всадник, с коня слез и подбежал к столбам, а на них большой барабан висел. Взял воин палку и три-четыре раза в барабан с силой ударил. В это время все люди головы подняли и на стену стали смотреть. А в стене было двое ворот, и на одних воротах на острых зубцах людские головы торчали. Как только барабан забил, ворота открылись, и выбежали на площадь десять красивых девушек в белых шелковых платьях. Все они были черноглазые, чернобровые, с длинными косами. Подбежали они с улыбками к юноше, подхватили его под руки и с собой увели. После этого ворота закрылись. Народ еще больше волноваться стал. За стеной жалобно так карнаи, сурнаи зазвучали, вышел на стену какой-то безобразный морщинистый человек в пестром халате, забрызганном кровью. В правой руке человек этот держал нож, в левой — о горе! — голову юноши... Поднял он ее и воткнул на воротах на зубец, рядом с другими отрубленными головами. Как увидели люди палача, в толпе поднялись крики и вопли. Некоторые люди с криками «ой!» на землю бросились. Другие кричали: «Ой, беда! Такого молодого джигита убили!» А женщины стонали, плакали: «Ох! Лучше б ты, не родившись, помер, чем от руки палача гибнуть!» Люди, слезы вытирая, расходиться стали. Ну и я в караван-сарай вернулся и заперся в своей комнате. Никак опомниться после такой страшной казни не мог. Захотелось мне узнать, в чем тут дело, а спросить у кого-нибудь не решался.

Вдруг услышал на улице чей-то голос:

— Ох, горе! Ой, беда!

Вышел, смотрю: идет старик с палкой и все повторяет. «Ой, горе! Ой, беда!» Отпер этот старик одну из комнат караван-сарая и зашел туда. Постучался к старику. Открыл он дверь и сказал: «Заходи, сынок, заходи!» Вошел я, поздоровался. Старик пригласил сесть. Но вижу, что его мой приход удивил. — Каким ветром занесло тебя, сынок?— сказал он.

Я ему объяснил, что человек я не здешний, и спросил, из-за чего это утром такая страшная казнь совершилась.

— Ты, сынок, приезжий, значит,— ответил старик,— Потому и не знаешь причины этой страшной казни. Ну и хорошо, что не знаешь. Уедешь, и если будут тебя спрашивать об этом, так и скажешь: «Не знаю».

Хотелось мне тайну узнать и начал я упрашивать старика:

— Ах, отец! Я в вашем городе был, это страшное дело видел. Домой вернусь, отцу, матери, родным рассказывать буду. Они спросят: «За что юношу убили?..» Разве хорошо будет, если отвечу: «Не знаю!»

Подумал старик, подумал и согласился:

— Ну, так и быть. Расскажу тебе, а ты другим расскажешь.

И начал старик рассказывать:

— У нашего шаха Салама есть дочь Мохистара. Не знаю — мать ли ее родила, или пэри, но другой такой красавицы нет в нашей стране. Да и во всем подлунном мире вряд ли сыщется. Слава про красавицу Мохистару по всему свету пошла. Ни одного шаха или шахского сына, ни одного бая или байвачи нет, чтобы по ней с ума не сходили. Все эти влюбленные джигиты в ее дворец приезжают, руки ее просят. Мохистара жениху условие ставит: «Выполнишь это условие — стану твоей женой, а не исполнишь — голову сниму». Джигит красотой ее очарован, как мотылек, на огонь кидается, глаза его уже белого от черного отличить не могут, беда в том, что условие Мохистары поистине невыполнимое. Вот почему всем женихам палачи головы рубят. Много уже юношей свои головы здесь сложили. Вот и сегодня такая казнь совершилась. Сегодня царевич из Басры головой своей поплатился.

Выслушал я рассказ старика, поблагодарил его, в свою комнату вернулся. Люди мои к тому времени товары с выгодой распродали. Осталось только новые товары закупить и домой поехать. Пошел я на базар искать товар и вдруг увидел: сидит на земле какая-то старуха, узел рядом с собой положила и кричит:

— Эй, люди! Кто купит этот узел за десять тысяч золотых?

Я ее спросил:

— Скажи, мать, а что в этом узле?

— Этого я не скажу,— говорит старуха.— Стоит он десять тысяч золотых.

Принесешь его домой — развяжешь. Счастье свое там найдешь.

Любопытство меня разобрало, отдал я десять тысяч золотых и поспешил скорей к себе. Развязал я узел, а в нем — женское платье; все оно из золотых и серебряных нитей соткано, да такое красивое, что я поразился, какие же есть на свете замечательные мастера! Поворачивал я во все стороны, разглядывал, вдруг вижу: на платье портрет девушки выткан, и под ним надпись «Царевна Мохистара». Как увидел я этот портрет, обезумел и без памяти наземь свалился. Очнулся я, открыл глаза и вижу: вокруг меня мои люди стоят. Увидали они, что я глаза открыл, радостно закричали:

— Ну, глаза открыл! Значит, жить будет.

Три дня и три ночи, говорят, я без чувств лежал. Когда я очнулся, меня все начали спрашивать, что случилось.

— На улице жарко было, а я много ходил, вот и свалился,— ответил я, а тайны своей выдавать не стал. Когда люди ушли, мне захотелось еще раз на Мохистару взглянуть. Но только я портрет увидел, как снова сознание потерял. Опять я три дня, три ночи без памяти лежал. Но и в этот раз им тайны своей я не открыл.

Все другие купцы, что вместе с нами приехали, уже товаров накупили и начали

меня торопить. А мне про товары и думать не хотелось, одна царевна Мохистара мысли мои занимала. Так несколько дней прошло. Пришли ко мне купцы договариваться, чтоб выезжать на рассвете. А я все это время только о Мохистаре и думал, бледный и худой лежал на постели. Увидали они меня таким, удивились, что это со мной стало, и все спрашивали:

— Как же нам быть с тобой?

— Поезжайте без меня,— сказал им,— а я здесь останусь, полечусь.

Поняли купцы, что со мной что-то неладное творится, и стали допытываться, почему я домой ехать не хочу. Я им ничего не сказал. Так ни с чем они ушли. Один только из моих друзей остался. Ему-то все я и рассказал. Решил я идти во дворец шаха Салама к Мохистаре и добиваться ее руки. .

— Эх, брат! Брось ты об этом думать,— сказал мой друг.— Мы с тобой торговать сюда приехали, а не невест искать. Мы дело свое сделали. Товары продали, давай лучше домой поедem. Я тоже про красоту Мохистары слышал. Да ведь никто условия ее выполнить не может. Зачем же идти на верную смерть?

— Нет,— говорю,— за то, чтоб только Мохистару увидеть, я б и сто голов отдал. Хоть и не выполню я ее условия, зато на красоту ее погляжу, а больше мне ничего не надо.

Увидел мой приятель, что его уговоры на меня не действуют, и так мне посоветовал:

— Ну уж если ты так Мохистару полюбил, делай как знаешь. Но зачем же тебе людей своих, деньги и верблюдов терять? Купи все, что надо, и вместе поедem. Выполнишь поручение отца, а потом приедешь один, и тогда уж сватайся к Мохистаре.

Понял я, что мой друг правильно рассуждает, и дал ему слово вместе ехать. Помог он мне во всем, и через два дня отправились мы в путь. Через несколько дней поехали мы по безводной пустыне. Однажды ночью погода испортилась, ветер поднялся, песчаная буря поднялась. Пришлось нам остановиться, верблюдов развьючить. Вдруг между небом к землей толстый столб вырос и, извиваясь, как змея, помчался на нас. Подхватил этот столб меня, закрутил, завертел, а когда очнулся я и глаза открыл, оказался вот в этом самом саду, на этой самой супе посреди красивых девушек. Со страху не мог в себя прийти, а девушки мне и говорят:

— Не бойся, вставай, умойся!

Девушки дали мне умыться, чистую одежду принесли, а потом повели меня к самой прекрасной из красавиц. Она меня ласково встретила, посмотрела на меня, улыбнулась, а потом подошла ко мне, взяла за руку, посадила на золотой стул. Сама тоже на стул рядом села и, чтоб сердце мое к себе расположить, стала всякие ласковые слова мне шептать.

— Где я? Куда я попал? — спросил я со страхом.

Девушка ножкой топнула, засмеялась, руку мне погладила и заговорила:

— Эх ты, храбрец! Зовут меня Санобар. Раньше я жила в стране пэри, но прогневала я нашу царицу, и она сослала меня сюда на шестьдесят лет, приказала мне этот сад стеречь. Эти девушки — мои служанки. Царица наша мне разрешила за какого-нибудь человека замуж выйти. Во многих местах я побывала, но по сердцу себе ни одного джигита не нашла. Когда ты, подхваченный песчаным ураганом, над пустыней летел, я тебя увидела, и ты мне приглянулся. Не беспокойся, все верблюды твои целы-невредимы. Ну а ты на мне жениться должен. Будем тут жить спокойно, счастливо.

После ее речей мне все стало понятно, и страх мой прошел. «Что ж мне делать теперь?» — думал я. Ну а девушка, как мотылек, вокруг меня порхала, советы мне давала. Думал я, думал и так рассудил: «Полюбил я крепко Мохистару. Все только и думал о ней. Если б удалось мне любовь ее заслужить, большое это было бы счастье. Зато если не удастся — погибну. Чем такое опасное дело затевать, лучше уж на этой красавице Санобар жениться».

Решил так и Санобар свое согласие дал. Она руку мне на шею положила и другим девушкам мое решение сообщила.

Назавтра мы свадьбу отпраздновали. Так стал я здесь жить. С тех пор сорок лет прошло. Тогда мне было восемнадцать лет, а теперь уж пятьдесят восемь. «Вот это и есть моя Санобар», — сказал старик, показывая на красивую женщину, которая рядом с ним сидела. Санобар улыбнулась и на землю посмотрела, а старик продолжал:

— Потом у нас доченька родилась! Назвали мы ее Сайора.

В это время дверь опять распахнулась и выбежала та самая резвая девушка.

Старик кивнул в ее сторону и говорит:

— Такая уж она у нас резвушка: то цветком распустится, то на холмах соловьем заливается, то голубкой летает, то рыбкой в воде плавает. А бывает и так, что ланью обернется и по горам скачет. Вот на нее ты и охотился, за ней-то ты и гонялся. А она тебя полюбила и сюда привела. От нашего уголка до того места, где ты живешь, полмесяца надо ехать.

Тут Шавкат смутился и глаза к земле опустил. Девушка опять в дверях показалась. Старик ей кивнул и говорит:

— Ах, резвушка! Зачем же ты так гостя нашего утомляла, надо было Прямо сюда его вести.

А потом говорит Шавкату:

— Вот, значит, сынок, зачем ты к нам пришел. Ну что ж, пусть наша дочь будет твоей женой, будешь нашим зятем, будем здесь жить все вместе.

Выслушал Шавкат рассказ старика, вспомнил, как он за ланью гонялся, и в сердце его еще больше любовь разгорелась. Однако он на предложение старика пока ничего не сказал.

В это время пришли девушки и позвали их обедать. Царевич, старик со своей женой Санобар и все девушки обедать сели.

Старик сказал одной девушке:

— Пойди скажи Сайоре, пусть идет к нам, пусть гостя нашего не стесняется!
А мать Санобар заметила:

— Оставь ее, все равно она будет стесняться.

Не понравилось очень царевичу, что Санобар так говорит.

Захотелось сказать ему: «Позовите же ее»,— но понял он, что так говорить неприлично. Тут одна девушка промолвила:

— Стесняется не стесняется, пусть с нами сядет, пойду-ка я ее позову! — и побежала в дом.

А царевич все про девушку-лань думал, от двери глаз не отрывал. Когда она из дома вышла, ему показалось, что рассвет наступил, сделала шаг — словно солнце из-за гор свои лучи золотые рассыпало, ближе подошла — день наступил и весь мир ярким сиянием озарило. А вокруг солнца планеты привет ему шлют. Само солнце и планеты его покраснели, к земле глаза опустили, словно хотелось им не то скорей назад убежать, не то голубками стать и улететь.

Но Сайора, твердо ступая, подошла к мраморной супе и проговорила: «Добро пожаловать, гость!» и села посреди девушек.

Для Шавката счастливый момент настал. Казалось ему, что весь свет ему улыбается, счастья ему желает, что соловьи ему свадебную песнь поют.

За обедом много раз глаза царевича глазам Сайоры улыбались. А после обедаглянула Сайора на царевича, «До свиданья» сказала и за своей дверью скрылась.

Заметила Санобар, с какой лаской и нежностью Шавкат и Сайора друг на дружку глядели, и ее сердце наполнилось радостью.

Старик с Шавкатом тем временем беседу продолжали.

— Что же вы сделали с тем платьем?— спросил Шавкат.

— Да ничего,— ответил старик.— Оно и до сих пор у меня хранится.

Попросил Шавкат старика, чтобы дал он ему хоть разочек на этот портрет взглянуть. Тут Санобар и губами и глазами старику знак подает—не надо, мол. Старик тогда сказал:

— Оставь, сынок! Не надо на него смотреть!

Прошло еще несколько дней. Гостит царевич в саду, свадьбы ждет. Однажды Санобар с девушками обернулись голубями и улетели. Старик один дома остался. Шавкат этим воспользовался и опять попросил ему платье показать. После долгих уговоров старик принес узел, развязал его и показал царевичу платье. Подумал Шавкат, какой будет Сайора красивой, если это платье наденет. Рассматривал царевич платье, повернул его другой стороной и упал его взгляд на вышитый спереди портрет Мохистары. И сразу стало ясно ему, что по сравнению с ней красота Сайоры ничто. Мохистары красота, словно большой светильник, весь дом озаряет, а Сайоры красота лишь маленьким святлячком мигает. При виде портрета ошеломленный Шавкат упал без чувств. Прошло немного времени, очнулся он, рядом с ним старик стоит, Санобар и

девушки.

Санобар в гневе накричала на старика:

— Говорила — не показывай ему этого платья! Зачем меня не послушал! Что же теперь будет?

Неловко стало старику, а у Сайоры из глаз слезы полились.

Не было больше прежнего веселья, все ходили печальные. А Шавкат совсем обезумел и, не обращая внимания на Сайору, все просил ему портрет Мохистары показать снова. Но платье убрали и больше портрета ему не показывали. У царевича совсем настроение изменилось. Не улыбался он, не разговаривал. На следующий день утром Шавкат попросил у старика:

— Дайте мне моего коня. Уезжаю.

Но старик ему коня не дал, все старался его успокоить. Санобар огорчилась и упрекала, зачем он Шавкату злосчастное платье показывал.

Прошло еще два-три дня. Царевич сделался мрачнее тучи. Сайора несколько раз к нему подходила, ласково с ним заговаривала, но он на нее и глядеть не стал. Все помыслы его были только о царевне Мохистаре.

Спустя несколько дней царевич сам пошел в конюшню и хотел коня взять и уехать. Но коня ему так и не дали. Тогда Шавкат заявил:

— Не дадите коня, пешком уйду.

Отдал тогда ему старик коня. Прежде чем попрощаться, Шавкат сказал:

— Отец, когда вы мне платье показали, я, увидев Мохистару, за глаза в нее влюбился. Теперь я к ней поеду. Расскажите мне дорогу, как мне в ту страну добраться.

— Эх, сынок,— ответил старик,— один ты туда не доберешься. Город этот очень далеко отсюда, дорога туда опасная. Да и что ты там найдешь — ведь портрет сорок-пятьдесят лет тому назад вышит. Мохистара старухой стала, красоту потеряла. Ничего я тебе не скажу.

— Ну, если не хотите мне дорогу показывать, ладно, как-нибудь к без вас доберусь,— заявил Шавкат.

Увидел старик, что царевича не уговорить, и решил: «Что ж, если я ему дорогу не расскажу, ни за что пропадет юноша».

Рассказал он Шавкату дорогу в Индию. Поблагодарил он старика за хлеб, за соль, за угощение, а девушек за то, что его развлекали, но Санобар слова ему не сказала.

Так попрощался Шавкат и поехал. А Сайора увидела, что ее любимый уезжает, горько разрыдалась.

Через шесть дней подъехал Шавкат к высокой горе. В одну сторону посмотрел, в другую — видит что-то вдали чернеет. Подъехал, видит: у подножья горы десять-пятнадцать деревьев растет, под деревьями усадьба, в ней два дома. С горы по желобу вода в арык стекает, арык через усадьбу проходит.

Слез царевичу коня и постучал камчой в дверь усадьбы. Прошло немного времени, дверь раскрылась и вышел старик.

Ехал царевич два дня и две ночи, горы кончились и пошла пустыня без конца, без края. Через три дня и три ночи начались пески. Еще пять дней проехал, а пустыне и конца не видно.

Ехал царевич, ехал, вдруг что-то сзади к нему на коня вскочило да как ударит Шавката по голове, у него из глаз искры и посыпались. Оглянулся царевич, видит: сидит у него за спиной какое-то чудовище. Глаза огромные, как миски, нос сплюснутый, шерсть слиплась. Сказать, что это человек — не похоже, что обезьяна — и на обезьяну не похоже. Смотрело страшилище на царевича—то хохотало, то зубами скрежетало, то, как собака, рычало. Царевич подумал: «Что это за чудовище такое ко мне прижалось? Что с ним делать?» И никак не мог решить, что лучше — убить его или не трогать. А страшилище встало на круп коня, вцепилось лапами в плечи царевичу и навалилось. Почувствовал Шавкат, что чудовище вот-вот его раздавит, Конь это тоже почувал, уши наострил, заржал и галопом пустился. Собрал царевич все силы, ухватился обеими руками за чудовище да как грохнет его с коня наземь. Завизжало оно и убежало.

— «Ну,— подумал царевич,— избавился от страшилища, наконец»,— и поспешил дальше. Не успел он далеко отъехать — слышит, за спиной шум. Повернул коня Шавкат, посмотрел, летит пыль столбом, целая толпа таких чудовищ валит.— «Что же делать?» — подумал юноша. Ускакать — догонят. Бегают уж больно быстро. А не ускачу, может быть, как-нибудь справлюсь. Поскакал он навстречу чудовищам, а их с сотню набралось. Окружили они его, дорогу ему загородили. Так они три дня и три ночи вокруг него стояли. Наконец выхватил Шавкат саблю, коня разогнал и помчался на чудовищ, схватился с ними, многих порубил и дорогу себе проложил. Еще много раз на своем пути Шавкат сражался с дикими чудовищами.

Уже целый месяц был он в дороге. И вода в бурдюке уже кончилась. Днем жарко в пустыне, как в котле раскаленном.

Не выдержал конь, пал. Ничего не поделаешь — пошел Шавкат пешком. Шел, шел, еще пятнадцать дней минуло. Вдруг ночью послышались ему голоса. Оглянулся царевич, прислушался — со всех сторон какой-то щебет доносится, все слышней и слышней. Страх царевича охватил, он на песчаный бугор поднялся. Видит — змеи ползут. Подождал царевич рассвета и, чуть заря занялась, двинулся в путь. Сколько уж дней был он в дороге, а пустыне все конца-края нет. «Что же будет со мной?— думает Шавкат. Выберусь я когда-нибудь из этой пустыни или погибать здесь придется.

Еще несколько дней он прошел, видит: вдали что-то чернеет. Подошел царевич поближе, а там деревья, родник из земли бьет, большой арык начинается. Деревья ветви раскинули, кругом тень. Кинулся царевич к ручью, да сил не хватило до воды добраться, наземь свалился. Полежал немного, в себя пришел, с трудом до воды дотянулся, от радости слезы потекли. Вдоволь Шавкат воды напился и тут же уснул. Наутро встал, посмотрел на себя в воду, видит похудел

он совсем, одежда обтрепалась, запылилась. Шавкат умылся. Ногам своим измученным отдых дал.

Пять-шесть дней отдыхал Шавкат у источника. Вдруг погода изменилась. Появилась на небе черная туча, и земля почернела. Показались вдали четыре вихря-смерча. И неслись они прямо туда, где царевич на отдых расположился. Ближе вихри подлетели и рассеялись, а из них четыре дива вышли, да такие высокие, что до тучи головой доставали, а носы у них длиной с минарет были. Со страха Шавкат на дерево залез, обхватил ветку руками, притаился в густой листве.

Дивы уселись и завели разговор. Старший див обратился к младшим.

— Братья, надо нам все-таки договориться.

Другой див ему возразил:

— Договориться нам очень трудно будет.

— Почему?

— Когда я это себе хочу взять, ты говоришь: «Нет, это мое!» А они тоже говорят: «Нет, это наше!» Так мы век спорить будем. Как же мы сможем договориться?

Тогда старший див решил:

— Ну, раз мы сами договориться не можем, надо нам какого-нибудь справедливого позвать. Он не будет слушать, что каждый из нас говорит, а пусть или жребий бросит или одному из нас скажет: «Это тебе», или другому из нас — «Это тебе». И все должны с ним согласиться.

Понравилось это предложение другим дивам.

— Где только мы найдем такого справедливого человека?— задумались дивы.

Старший див сказал:

— А его искать не нужно. Он здесь рядом с нами.

И крикнул царевичу:

— Эй, джигит, слезай с дерева!

Как услышал царевич этот крик, перепутался. Див его успокоил:

— Худа мы тебе не сделаем. Ты нам в нашем деле помоги, мы тебе в твоём поможем.

А Шавкат со страха и шевельнуться не мог. Язык у него отнялся. Ждали-ждали дивы, а царевич все сидел на дереве. Тогда один див, с места не вставая, руку протянул, взял царевича за шиворот и на землю поставил. Только тогда Шавкат в себя окончательно пришел и наконец решился спросить:

— Ну так в чем у вас дело?

Див объяснил:

— Мы четверо братьев. Отец, умирая, нам в наследство кое-какие волшебные вещи оставил. И вот уж мы четверо четыре года спорим, никак поделить их между собой не можем. Раздели нам наше наследство!

Удивился Шавкат, что дивы такого пустякового дела сами решить не могут, а они объясняют:

— У каждой из этих вещей своя особенность. Вот шапка-невидимка. Наденешь ее — ни один человек тебя видеть не сможет. А это — ковер-самолет. Расстели его и скажи: «Поднимись!», он тебя в небо подымет, по всему свету повезет. А если в этот кувшин воды налить, скажи, в воду глядя, что тебе надо, и все исполнится. А если из этого лука стрелу пустить, она обязательно в цель попадет, к тебе вернется, и добычу с собой тебе принесет.

Долго думал царевич, как ему наследство разделить, и говорит дивам:

— Я возьму четыре стрелы и на них эти вещи четырьмя цифрами обозначу.

Единица будет шапка-невидимка, двойка — ковер-самолет, тройка—кувшин, а четверка—лук со стрелами. Четыре меченые стрелы я из лука выпущу, а вы за ними бегите. Кто какую стрелу найдет, тот соответственно и вещь волшебную себе возьмет.

Понравилось очень его решение дивам.

Шавкат положил около себя четыре стрелы, приготовился стрелять и сказал:

— Ну, стрелы мои, пушу я вас, летите, не задерживайтесь, дивам не попадайтесь!

И пустил четыре стрелы в разные стороны. Далеко улетели они, не видно даже куда.

Погнались дивы за ними и из глаз скрылись. А все волшебные вещи у царевича остались. Не стал тут раздумывать Шавкат — взял их, разостлал ковер-самолет, сел на него и говорит:

— Отвези меня в тот город, где царевна Мохистара живет!

Ковер царевича в небо поднял, полетел.

Оглянуться не успел Шавкат, как ковер около какого-то города на землю опустился. Сошел царевич с ковра, сложил его, взял под мышку и потихоньку в город пошел. Пришел царевич в караван-сарай, лук и шапку на колышек повесил, а ковер и кувшин на полку положил Сидел Шавкат у себя в комнате и вдруг почувствовал, что страшно ему есть хочется. Много дней еды и в глаза не видел. Голод его мучит, а денег нет. Взял царевич кувшин, вышел во двор, кувшин водой наполнил, принес его в свою комнату, и говорит:

— Эй, кувшин, дай мне мешочек с золотом!

Только он это сказал, смотрит: на полке мешок золота лежит. Пошел Шавкат на базар, наелся, одежду новую купил, у табибов раны свои полечил.

Однажды, когда Шавкат в своей комнатке спал, разбудила его громкая музыка. Где-то на карнаях, сурных играли. Царевич подумал: «Почему это вдруг ночью музыка заиграла, разве кто-нибудь свадьбу справляет?» Встал он, оделся и вышел на улицу. Смотрит: на крыше дворца стоят сорок музыкантов с карнаями, сорок с сурная-ми, сорок с флейтами, а впереди сорок барабанщиков — и все они играют, а кругом ни души. У Шавката и сон пропал. Всю ночь бродил он по улицам, а потом суфи прокричал свой азан, позвал людей на молитву, и царевич пошел в мечеть. Когда он на улицу вышел, народу было уже там полным-полно. Все, и молодые, и старики, как на базар, куда-то

спешили. Расспросил он прохожих и узнал, что люди идут к шахскому дворцу узнать, какая судьба выпала на долю тому джигиту, что вчера к Мохистаре свататься приехал.

Собрался народ на площади перед дворцом шаха. Видит — Шавкат стоит на площади, красивый юноша лет восемнадцати-девятнадцати, участи своей ждет. Забили барабаны, открылись ворота, выбежали на площадь стройные девушки в белых шелковых платьях, подхватили юношу под руки, во дворец повели. Закрылись ворота. Вскоре вынес палач отрубленную голову юноши, показал народу и на зубец стены воткнул. Крики, вопли поднялись, старухи на землю повалились, застонали, заплакали.

Народ расходиться стал, и Шавкат в свою каморку пошел. Просидел он там несколько дней и решил все же к Мохистаре идти. Лук свой волшебный на плечо повесил, завернул кувшин и шапку-невидимку в ковер-самолет, взял его под мышку и не спеша отправился во дворец. Подошел ко дворцу, постоял немного у ворот, видит — никого нет, ни души, только большой барабан висит. Подошел царевич к барабану и ударил по нему. А Мохистара в это время во дворце с сорока девушками веселилась, плясала. Отец ее шах Салам в своей палате сидел, о чем-то думал. Вдруг раздался барабанный бой.

Мохистара и говорит:

— Еще кому-то захотелось с жизнью распрощаться!

— А отец ее, шах Салам, вздохнул и подумал:

«Вот еще злосчастный сын одного несчастного отца явился!»

Мохистару гордость распирает, девушки ее и стража дворцовая забегали, засуетились. Наконец один из шахских слуг открыл ворота, вышел на площадь и подошел к Шавкату. Оглядел он царевича с ног до головы, улыбнулся и спросил:

— Эй, брат! Чего это ты в барабан бьешь?

Царевич ему ответил:

— Я царевну Мохистару полюбил. И вот пришел про любовь свою ей рассказать.

Пошел слуга Мохистары во дворец и доложил ей:

— Царевна! На площади какой-то безумный стоит. За плечами у него лук, а под мышкой какой-то старый ковер держит и говорит: «Я царевну Мохистару полюбил. И пришел про любовь свою ей рассказать».

Царевна Мохистара жеманно так повернулась и сказала:

— Ну что ж. Головам таких безумцев одна дорога — на стену.

А Шавкат стоял под барабаном и ждал. Надоело ему так стоять. Он опять в барабан ударил. Мохистара на этот бой и внимания не обратила.

Тут шах Салам одному из своих придворных приказал пойти и привести к нему этого барабанщика. Повел придворный царевича во дворец. Вошел царевич в ворота, видит — широкий двор, мрамором выложенный. Постройки красивые, а в самом конце отдельно дом стоит, вход в него охраняют вооруженные.

Придворный царевича с этот дом ввел, в большую палату они зашли. Там всюду ярко-красные ковры на стенах, дикие звери и чудовища нарисованы: слоны, львы, тигры, драконы, А на золотом троне сидит человек с большой седой бородой. Он царевичу и говорит:

- Добро пожаловать, славный джигит!— И рукой сделал знак пригласил сесть. Догадался царевич, что человек этот и есть отец Мохистары, шах Салам, остановился и поклон отвесил. Потом два шага прошел и снова поклонился. Так, пока он до трона шахского дошел, семь раз поклонился, а подойдя, поцеловал шаху руку и, не оборачиваясь, назад пошел. Только после того, как второй раз шах ему место указал, Шавкат сел. Понравилось шаху, что гость такой скромный да вежливый. Сел он рядом с царевичем, слуг своих позвал, дастархан принести приказал. Слуги дастархан разостлали, сладостей всяких принесли. Шах Салам царевича угощать стал. А когда угощение кончилось и дастархан убрали, стал шах Шавката спрашивать, зачем он во дворец пришел:

Царевич сказал:

- О повелитель! Если кровь мою пощадите — скажу.

Дал шах ему разрешение говорить и царевич начал рассказывать:

- Про любовь говорить не стыдно. Вот я вашу дочь Мохистару полюбил. Имя ее по всему свету гремит. Много людей от любви к ней покоя себе не находят. Вот и я решил условие Мохистары выполнить и с вами породниться.

— Эх, сынок, не дочь родную дал мне бог, а одну беду. А ты, такой славный молодой юноша, сам в эту беду лезешь. Это же не девушка, а палач какой-то. А разве можно любить палача? Если ты хочешь жениться, я тебе, помимо Мохистары, невесту найду. А на Мохистару и глядеть не стоит.

Шавкат возразил:

— Мохистара не злым нравом своим, а красотой своей прославилась. Что ни говорите, а только Мохистара может сердце мое успокоить.

— Да,— сказал шах Салам.— Красоту ей дал бог изумительную.

Наслышавшись про нее, многие шахи, царевичи, баи, байвачи от любви голову теряли, сюда приезжали. Уговаривал я их назад ехать, они меня не слушали. Никто не смог выполнить условие Мохистары, и все погибли. Две тысячи голов палачи на зубцы стен дворца воткнули. Очень меня это все беспокоит. Не смотри ты на мою дочь, палач она настоящий, уходи от нее подальше!

Долго шах Салам уговаривал Шавката уехать. Но, царевич все на своем стоял.

— Когда человек любит, смерть ему не страшна,— сказала она. Если я даже условие Мохистары не выполню, зато хоть увижу ее, а больше мне ничего не надо.

Понял шах Салам, что царевича ему не отговорить, позвал девушек и приказал им отвести юношу к Мохистаре. Привели девушки царевича в ее покои. Видит Шавкат — посреди роскошно убранной комнаты в несколько слоев одеяла из белоснежного шелка сложены. А из-за занавеси свет льется, там светильник

стоит. Вошел царевич, слышит, голос из-за занавеси:

— Заходи, джигит, садись, гостем будешь!

Сел Шавкат на шелковую подстилку, девушки перед ним дастархан разостлали, еды всякой принесли. После угощения за занавесью опять голос раздался. Это уже сама царевна Мохистара пришла. Как вошла она, красота ее всю комнату светом озарила. Ни один человеческий глаз такого яркого света вынести не мог, поэтому в комнате ее семь занавесей висели.

Мохистара спрашивает:

— Эй, гость, зачем сюда пожаловал?

Царевич ей отвечает:

— Душа моя к твоей стремится, голос твой чарует меня, Мохистара. Любовь моя к тебе покоя мне не дает. Или желание мое исполни, или жизнь мою бери!

Мохистара ему говорит:

— Эх, гость, ты храбрый джигит, оказывается. Но мысль эту брось. Тем, кто полюбил меня, я ставлю условие. Если выполнишь его, стану твоей женой. А не выполнишь — голову сниму.

Тогда царевич говорит:

— Эх, Мохистара! Одна у меня голова, а если б их и тысяча была, все равно не пожалел бы.

— Если ты так уж жениться хочешь, я тебе другую хорошую девушку найду,— говорит ему Мохистара.

А царевич ей отвечает:

— Сердце влюбленного — это не перелетная птица, что сегодня на одну ветку садится, а завтра на другую перелетает.

— Ну, тогда,— говорит Мохистара,— пиши такую расписку. «Полюбил я Мохистару и пришел ее руки просить. Если я условие ее не выполню, то умру, и за смерть мою никто отвечать не будет»— и ставь свою печать. А условие мое вот какое: сегодня ты во дворце останешься. И целую ночь должен со мной говорить. Если ты сделаешь так, что я всю ночь с тобой разговаривать буду и не засну, тогда я стану твоей женой.

Согласился царевич и остался ночевать во дворце.

— Ну вот, теперь разрешаю тебе выполнить мое условие.

Начал царевич Мохистаре всякие вопросы задавать, чтоб заставить ее говорить, молчит она, не отвечает. Стал он ей всякие истории рассказывать, но, что ты сделаешь, если человек говорить не хочет. Говорил он, говорил — устал наконец. «Ну,— думает,— хоть смеяться ее заставлю»,— стал ей всякие смешные вещи рассказывать, ничего не выходит. «Ну что ж,— думает царевич,— дай-ка я отдохну немножко»,— прилег и заснул. Мохистара тихонько занавеску подняла, смотрит: лежит царевич и спит.

— Ну, дружок!— говорит Мохистара.— Теперь уж завтра, и твоя голова на стене будет торчать!

Приоткрыл чуть-чуть Шавкат глаза, видит — перед ним стоит Мохистара во

всей своей красе. Он от счастья совсем растаял. А Мохистара занавесь опустила, боковую дверь открыла и вышла. Сразу в комнате стало темно. Удивился Шавкат, встал, надел шапку-невидимку, остальные вещи под мышку взял и пошел по дворцу за Мохистарой. Едва входила она в какую-нибудь комнату — красота ее, как луна четырнадцатидневная, эту комнату светом озаряла. В последней комнате на стене висели боевые доспехи и оружие. Сняла Мохистара с себя свое платье, в боевые доспехи облачилась и сразу же стала похожа на молодого джигита.

На той же стене ремень висел, а к нему три крюка пришиты были. Взяла Мохистара этот ремень и пошла в сад, а царевич ни на шаг от нее не отставал. Подошла Мохистара к стене, забросила на нее ремень и наверх взобралась. Потом по тому же ремню со стены на улицу спустилась.

Царевич разостлал ковер-самолет, сел на него и через стену перелетел.

Смотрит: Мохистара идет куда-то, да так шагает, что шагнет — сто сажень позади остается. Прошла Мохистара таким шагом час и пришла в какую-то усадьбу. И царевич за ней туда прилетел, ковер под мышку сложил и в усадьбу зашел. Там в одной комнате огонек теплился. Открыла дверь Мохистара, в дом зашла, а ей навстречу поднялась старуха и говорит:

— Пришла, доченька? Подружки тебя давно уже ждут. Мохистара доспехи с себя сняла, дорогое платье надела и зашла в комнату. А в комнате красивые девушки собрались. Поздоровались они с Мохистарой и спрашивают:

— Что же ты, миленькая, так сегодня запоздала? Мохистара им отвечает:

— Эх, подруженьки! Пришел в мой дворец еще один сумасшедший. «Полюбил тебя, — говорит, — голову свою за тебя отдать готов». А я его усыпила. Теперь утром с него голову снимут. Смотреть приходите!

— Попался бедняга! — говорят девушки и смеются.

В это время в комнату старуха заглянула и спрашивает:

— Плов готов! Нести?

— Несите! Ужинать будем! — говорят девушки.

Старуха им воды на руки полила и плов принесла. Сама с девушками села.

Царевич шапку-невидимку надел и тоже к ним подсел, но они его не видели.

Таким образом царевич рядом со своей любимой сидел, как муж с женой, и тоже плов ел. Когда все поужинали, одна из девушек говорит старухе:

— Матушка, что это сегодня плова что-то мало, не наелись мы.

— Не знаю, — отвечает старуха. — Я столько же рису положила, сколько и каждый день кладу. Сама я тоже не наелась. Ну а вы поесте любите и продавца риса на базаре съесть готовы.

Девушки захохотали. Старуха дастархан разостлала, чай принесла. Все из одной пиалы по очереди пили. А Мохистара их давай торопить:

— Скорей, девушки! Не надо заставлять матушку нашу долго нас ожидать.

Девушки встали и вышли в сад. Уселись на золотую скамейку. Скамейка вдруг сама собой стала в небо подыматься. Шавкат сел на ковер-самолет и вслед за

девушками полетел. Летели, летели, стали девушки на золотой скамье ниже спускаться, царевич за ними. Смотрит — на земле огонек виднеется. Девушки около этого огонька на землю опустились. Ну и царевич за ними. А в этом месте большой сад оказался. Девушки слезли со скамейки, в сад побежали. Царевич сложил ковер-самолет и тоже в сад зашел. Никто его в шапке-невидимке не видел. Стены в саду из мрамора сделаны, двери — золотые. Во все стороны дорожки идут, а по бокам их арычки. В арычках вода — белоснежная, как молоко, в одном арыке в одну сторону течет, а в другом — в обратную. Дорожки самоцветами украшены, от них по всему саду свет разливается. По берегам арыков цветы всякие растут, в листве деревьев соловьи поют. Посреди сада трон стоит, вокруг стулья золотые. Вся площадка красивыми девушками заполнена, а на троне царица всей этой красоты сидит. Увидали эти девушки, что к ним гости идут, и хором закричали: — Ага, ага! Вот и Мохистара со своими пришла! Гости царице поклон отвесили.

Царица спрашивает:

— Сестрица моя, Мохистара! Почему вы так поздно пришли? Мы уж все глаза проглядели, вас ожидая. Что вас так задержало?

— Извините, сестра! — отвечает Мохистара. — Запоздали мы сегодня. Но на это причина есть. Пришел ко мне еще один сумасшедший джигит, говорит мне: «Полюбил я тебя, женюсь на тебе или умру». Этого безумца усыпила и к вам прилетела. Приходите завтра на его смерть посмотреть.

После этого царевна Мохистара и ее девушки рядом с другими уселись, защебетали, а потом игры, пляски начались.

Этот сад был в стране пэри. А так как мать Мохистары была пэри, то Мохистара каждую ночь сюда прилетала с другими пэри плясать и веселиться. Жила в этом саду старшая сестра Мохистары, красавица Бадиа. Она и сидела на золотом троне. После музыки и плясок пошли девушки по двое, по трое по саду гулять.

Мохистара девушкам говорит:

— Ой, подруженьки, что-то мне спать захотелось. Посплю я немножко.

Легла она на скамейку и заснула. А царевич взял золотой кувшин, водой его налил и говорит:

— Эй, кувшин! Сделай так, чтоб на время моя душа в тело Мохистары перешла, а ее душа — в мое тело.

Чуть он так сказал, душа Мохистары ее тело покинула и в царевича перешла. А царевич пошел в сад. Снова девушки собрались. Опять песни, пляски начались.

Одна из девушек говорит:

— А сейчас пусть Мохистара спляшет!

Все захлопали, и царевич, ставший Мохистарой, в пляс пустился. И так хорошо он плясал, что долго ему все хлопали. А потом говорят:

— Пусть теперь Мохистара песню споет!

Встала Мохистара с душой царевича среди девушек, да так запела, что они от удовольствия, словно ртуть растаяли. Девушки одна сильнее другой стали в ладоши хлопать и на песню Мохистары песнями отвечать. Радуетя царица Бадиа, что они так хорошо веселятся, подзывает Мохистару и говорит:

— Голубушка моя Мохистара! Так ты, оказывается, и петь и плясать такая мастерица. Что же ты это до сих пор от нас скрывала? Я бы тебя за эти танцы и песни золотом осыпала, да казна моя далеко. Подойди ко мне, моя дорогая! Сегодня мне новое платье принесли, дай я его тебе подарю!

Сняла с себя царица дорогое шелковое платье, надела его на Мохистару и в лоб ее поцеловала. От радости все захлопали и опять перерыв объявили. А Мохистара с душою царевича быстренько подошла к скамейке. Досмотрел Шавкат в чудесный кувшин и говорит:

— Теперь так сделай, чтоб моя душа в мое тело, а Мохистары душа в ее тело вернулась.

Только он лишь это сказал, все так и сделалось, как Шавкат хотел.

Проснулась Мохистара, вскочила. «Ой,— подумала,— чуть я все не проспала!»— и побежала скорей в сад. Снова музыка заиграла, девушки и говорят:

- Пусть Мохистара еще спляшет!— хлопают ей.

Мохистара отказывается, говорит им:

— Да что вы, я же совсем танцевать не умею.

А царица Бадиа ей и говорит:

— Потанцуй еще, сестра! Как же ты говоришь, что танцевать не умеешь, когда только что так хорошо плясала?

Не поняла слов сестры Мохистара, но пришлось ей плясать. Но не могла она танцевать так хорошо, когда в теле ее была душа царевича. Тогда девушки говорят:

— Ну, пусть она еще нам споет!

Запела Мохистара, но голос теперь ее никому не понравился. Царица ей говорит:

— Сестра моя Мохистара! Как хорошо ты плясала и пела! А потом что-то с тобой случилось, и танец у тебя не выходит, и голос какой-то хриплый. Что это с тобой стало?

— Не знаю, сестрица,— отвечает Мохистара.

Потом девушки немного еще поплясали. Рассвет наступил, ранние птицы запели: пора было девушкам домой собираться.

Мохистара и ее спутницы сели на золотую скамейку и полетели. Шавкат вслед за ними. У дома старухи девушки спустились, скамейку поставили на место, Мохистара переделась и пошла во дворец. А царевич на ковре-самолете полетел, обогнал ее, лег на свое место и притворился будто спит.

Вернулась Мохистара во дворец, доспехи сняла, свое платье надела и к себе в комнату пошла. Прислушалась: спит царевич, храпит. Посмотрела Мохистара

на него, легла на свою постель и думает:

— Ну, бедняга, пропал ты! Умрешь завтра утром. И кто это заставил тебя меня полюбить!

Немного времени спустя Шавкат раза два зевнул, будто он только что проснулся, вскочил и, чтоб условие Мохистары выполнить, говорить начал. Мохистара лежала себе и посмеивалась над ним, но потом и ей захотелось на него посмотреть. А царевич ей и говорит:

— Ах, жизнь моя, моя любимая, прекрасная моя Мохистара! Удивительный сон сейчас я видел. Послушай, какой интересный сон!

Мохистара подумала: «Какой еще сон может этому сумасшедшему присниться!» — и усмехнулась. А Шавкат принялся рассказывать:

— Видел я во сне тебя. Видел я, что ты встала, вышла из комнаты, прошла по всему дворцу, в последней комнате в мужскую одежду переделалась и во двор вышла. А я за тобой иду. Прошла ты весь сад, через стену перелезла и куда-то пошла. Я опять за тобой иду. Пришла ты в какую-то усадьбу, в дом зашла. Там старуха тебя ожидала, ты подруг своих встретила. Старуха плов принесла, вы сели ужинать. Я тоже плов с вами ел, вот почему вам мало досталось, не наелись вы. После ужина вы сели на золотую скамейку и полетели в сад. Там тебя красавицы пэри и их царица Бадиа, твоя сестра, ожидали. Ты сказала царице: «Сегодня я опоздала из-за того, что пришел какой-то безумец, который меня полюбил. Мне его усыпить надо было. Приходите завтра на его смерть смотреть!» Потом там пляски, песни пошли, тебе спать захотелось, и ты на скамейку легла. Тогда я свою душу тебе отдал, а твою душу себе взял, тобою стал и с девушками плясал, песни им пел. Мои танцы и песни всем очень понравились, а царица, пэри Бадиа, меня в лоб поцеловала и платье свое на меня надела. Если не веришь мне, смотри: вот это платье!

Посмотрела Мохистара на платье и видит: действительно царицыно платье. От изумления язык у Мохистары отнялся. А царевич говорить не переставал, все что он видел в тот вечер, ей рассказал. Мохистара его слова, как нежную музыку, слушала. Поняла она, что царевич ей правду говорит, взволновалась и невольно занавесь приподняла. Посмотрела на Шавката Мохистара и вдруг заговорила:

— Э, славный джигит, приятно мне слушать твою уверенную речь. Меня за красоту мои люди царицей красоты называют. Много у меня было женихов. И эта то, что они красотой моей владеть хотели, я их, как разбойников, на смерть обрекала. Ни один из тех, кто дерзнул порог этой комнаты переступить, из дворца моего живым не ушел. И ты меня полюбил. Если меня зовут царицей красоты, то я назову тебя царем любви. В борьбе этих двух царей любовь красоту мою победила!

Сказала так Мохистара и упала на грудь царевичу. Белые, нежные руки ее, как лоза дерево обвивает, шею его обвили и застыли в любовной муке. Губы ее с губами царевича в поцелуе слились. Так Шавкат выполнил условие царевны

Мохистары. На стеблях надежд его стебли раскрылись, соловьи, горлинки своими песнями цветенье их славили.

Когда женихи царевны Мохистары шли выполнять ее условие, все жители города и все люди во дворце про заботы и горе свое забывали, со страхом думали, какая участь этих юношей ждет. А так как Шавкат после этой бессонной ночи долго в комнате Мохистары спал, его все особенно жалеть стали.

Наступило утро. Палач пришел, вытащил из ножен свой меч, о камень наточил и опять в ножны вложил. Ждал не дождался палач, когда выйдет из дворца царевны новый жених и он снесет ему, как бутон с ветки, его голову. А тем временем на площади народ собирался. Приближалось время, когда жених Мохистары из дворца выйти должен был.

В толпе говорили:

— Если джигит условие царевны выполнил, он сейчас выйти должен. А не выйдет — значит не выдержал он испытания.

— Никто его не выдержал, — возражали другие. — Только головы свои зря потеряли. Так и этот сегодня погибнет.

Девушки во дворце несчастного ждали, ждали, даже слезы лили, а жениха все нет. Отцу царевны Саламу сообщили. Удивляется он. «Что такое, — подумал, — уже десять минут прошло, а царевич не показывается».

И во дворце ничего про решение Мохистары не знали. Тогда шах Салам сам в покои Мохистары отправился узнать, что же она решила.

Девушки тихонько в покой Мохистары заглянули. Нет царевича на его месте. Приподняли они занавесь и видят: лежит царевич рядом с Мохистарой, спят обнявшись. Побежали девушки к шаху Саламу и докладывают ему:

— Жених условие Мохистары выполнил!

Обрадовался шах. Так ему все эти казни женихов надоели, что он даже как-то сказал: «Пусть бы уж скорей царевна замуж вышла или умерла». Казначей своего шах Салам призвал и велел ему девушку, которая эту весть принесла, золотом осыпать. А потом велел на карнаях, сурнях заиграть, радостную весть народу объявить. Как во дворце и в городе все про это узнали, обрадовались. Шах царевича и дочь свою поспешил поздравить и велел жениха в царские одежды нарядить. От радости шах пир на весь мир устроил, из казны своей золото, серебро народу приказал раздавать.

Вдруг видят: летят четыре голубя. Опустились голуби на землю — в один миг в красавиц пэри превратились и Мохистаре письмо подают. А письмо это было от царицы пэри Бадии. Писала в этом письме Бадиа, что она печалится и скучает, потому что уже целую неделю не видела Мохистару. Тут Мохистара взяла в руки калам и бумагу и про свои дела Бадии написала. Отдала письмо пэри, те опять голубями обернулись и отнесли письмо Бадии.

Прочитала письмо Бадиа, побледнела, всем телом своим задрожала, по лбу себя хлопнула. «Все дело мое пропало!» — крикнула, на одеяло повалилась, заохала.

Перепугались пэри, засуетились, спрашивают:

— Что случилось, госпожа, о чем вы так беспокоитесь?

Но Бадиа, ничего им не ответив, взяла калам и бумагу и написала Мохистаре:

«Сестра моя Мохистара! Тебе уже известно, что я целую неделю о тебе сильно беспокоилась. А теперь, когда твое письмо получила, знаю, что с тобой случилось. Ты пишешь в своем письме, что ты вышла замуж за сына человека.

А знаешь ли ты, что для нас, пэри — это гибель. Приезжай немедленно».

Прочитала Мохистара письмо, в лице изменилась. Собралась в дорогу, обернулись они с Шавкатом голубями и вместе с посланцами полетели в сад пэри Бадии. Поклонилась Мохистара царице, Шавката ей показала, а мысли всякие ей покоя не дают. Заметила это Бадиа и, чтоб успокоить ее, созвала всех девушек, в честь молодоженов большое угощение устроила.

Увела она Мохистару к себе в дом и говорит ей:

— Милая моя Мохистара! Как это так получилось, что ты к нам тогда человека-джигита за собой привела? А я думала, что это ты так хорошо поешь и танцуешь, и в лоб его поцеловала. А ты же знаешь, что пэри не должны прикасаться к людям, что это на весь наш род беду накликать может. Не пройдет и трех дней, как ты перестанешь быть пэри и превратишься в дряхлую старуху.

И впрямь стала Мохистара на глазах стареть, красота ее увядать начала.

Ужаснулся Шавкат. Обернулась Мохистара птицей и улетела с печальным криком, а за ней улетели и Бадии и все пэрк.

Смотрит Шавкат — нет ни сада, ни Мохистары, ни девушек.

Сел безутешный Шавкат на ковер-самолет и полетел искать Мохистару. Долго он летал и прилетел, наконец, в тот сад, где Сайора жила. Как увидели Сайора и мать ее Санобар, отец ее и все девушки, что гость летит, навстречу вышли с радостью, с приветом его встретили. После того как Шавкат уехал, долго плакала-рыдала Сайора, днем и ночью о нем думала, ожидала, что он вернется.

Отец и мать ее, видя, как их дочь мучается, тоже немало горя пережили. А теперь, увидав Шавката, Сайора вздохнула глубоко и на руки ему упала.

Усадили гостя на почетное место, хозяева и гость друг у друга «как живете-можете» спросили, про дела свои поговорили. В этот вечер для гостя пир устроили, угощали, веселили.

После приезда Шавката и Сайора повеселела: то, как гиацинт, расцветет, то соловьиной песней залется, то ланью обернется и по лесу скачет.

При виде Сайоры Шавкат словно прозрел. Раскаялся он в своем безумии. Понял он, что Мохистара злая и жестокая пэри, ослепившая его своей красотой, но имевшая душу и сердце дива. Перестал он думать о ней. Попросил он Садыка и Санобар руку их дочери.

Сорок дней и сорок ночей они в этом саду пировали, веселились, свадьбу Шавката и Сайоры праздновали.

А затем Шавкат отправился с Сайорой к отцу, и там еще празднество устроили,

пировали, веселились. С тех пор стали они друг к другу в гости ездить.
Стал царевич Шавкат жить мирно, счастливо. Так он достиг исполнения своих желаний.